

А.Н. Домановский

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ ♦ ВИЗАНТИЯ ♦

ТАЙНЫ ВЛАСТИ ВАСИЛЕВСА

СЕКРЕТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ВИЗАНТИИ

ИМПЕРИЯ НА ПУТИ АРАБСКИХ ЗАВОЕВАНИЙ

ЗАГАДКА IV КРЕСТОВОГО ПОХОДА

ПАДЕНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Харьков
ФОЛИО
2017

А на троне базилевс ромэев
Пресиятельнейший и пресвятейший
В пурпурной виссоновой хламиде,
В белом саккосе златоклавом,
В золотой чеканной диадиме,
В измарагдах и алмамантах,
Неусыпно печется о державе.

...

Вкруг него сидят каллиграфы,
Записывают каждое слово,
И слово становится законом,
И когда его объявляют
Владычествующему синклиту,
Никто прекословить не дерзает...

*Георгий Шенгели. Повар базилевса
(Византийская повесть)*

Мрачен цвет пурпура, и государь должен быть сдержанным в благополучии, не терять разума в счастье, не предаваться гордости из-за злосчастливого царского одяения: ведь императорский скипетр говорит не о праве на полную свободу действий, а о праве жить в блестящем рабстве.

Феофилакт Симокатта. История

Иногда полушутя, полусерьезно специалисты по истории Византийской империи — византинисты — говорят, что в мировой истории было лишь два государства, даты рождения и смерти которых точно известны. Это конечно же сама Византия и Советский Союз. Естественно, и по отношению

к средневековой империи, и по отношению к СССР такое утверждение является предельным огрублением, ведь как их рождение не было одномоментным, так и постепенный упадок, агония и в итоге гибель, растянулись на годы, а в случае с Византийской империей — на десятилетия и даже столетия. Впрочем, и в том, в другом случае существуют важные реальные даты, являющиеся крайними точками отведенного историей отрезка времени существования обеих держав, причем определиться с моментом смерти проще, чем с моментом рождения.

Что касается Византии, то датой окончания существования государства справедливо считается падение ее столицы Константинополя под кривым полумесяцем турецкого ятагана 29 мая 1453 г. С определением же времени рождения византийского государства дело обстоит сложнее, поскольку дат, в той или иной степени подходящих для начала отсчета истории Византии, несколько и каждая из них имеет свои преимущества и недостатки. Сложность обстоит прежде всего в том, что Византийская империя не столько являлась непосредственным продолжением империи Римской, сколько и была собственно Римской империей, отнюдь не погибшей в раннее средневековье, но продолжившей свое существование вплоть до 1453 г. Жители империи не заметили конца одного государства и начала другого хотя бы потому, что никакой временной лакуны, разрыва связи времен между ними не было. Падение Рима в 476 г., излюбленная точка отсчета западноевропейского средневековья, мало коснулась римского государства в его восточной части, где колесо жизни государственного организма давно уже вращалось вокруг другой столичной ступицы — Константинополя, который современники называли Новым, или Вторым Римом. Подданные империи продолжали осознавать и называть себя римлянами (на греческий манер ромеями), а свое государство — Римской (по-гречески Ромейской) империей.

И все же можно назвать ряд дат, символически отделяющих Ромейскую империю средневековья от Римской империи античности, которым придавали важное значение и сами византийцы.

Прежде всего это даты, связанные с основанием новой имперской столицы Константинополя на месте античного городка Византий, расположенного на западном берегу пролива Босфор. Закладка нового императорского города состоялась 8 ноября 324 г., а его торжественное официальное открытие — 11 мая 330 г. Если руководствоваться этой датой, а другой считать 29 января 1453 г., то выходит, что Византийская империя родилась и умерла вместе со своей столицей.

Не менее часто датой рождения Византии называют 395 г., когда, после смерти последнего правителя единой Римской империи Феодосия I Великого (379—395 гг.), государство было разделено между его сыновьями на западную и восточную половины. Во главе Западной Римской империи встал император Гонорий (395—423 гг.), Восточную (Византию) возглавил Аркадий (395—408 гг.). Иногда эпохой начала собственно Византии называют также время правления отдельных незаурядных императоров — Анастасия I Дикора (491—518 гг.), Юстиниана I Великого (527—565 гг.), Фоки (602—610 гг.) или Ираклия I (610—641 гг.). А когда речь идет не столько о византийском государстве, сколько о византийской цивилизации, то и вовсе обозначают ее начало VII в., когда империя потеряла свои восточные и северные владения вследствие арабских завоеваний и славянской колонизации.

За выбором любой из приведенных или ряда опущенных дат стоит своя логика, однако очевидно одно — Византийская империя непосредственно выросла из Римской, постепенно трансформируясь и приобретая все более своеобразные черты. Вопрос о том, когда именно их количество и качество достигло некоего уровня, позволяющего заявлять о переходе от античности к средневековью, остается спорным и ответ на него зависит от того, что именно будет выбрано в качестве главных критериев, свидетельствующих о свершившемся необратимом изменении. В любом случае основание нового императорского города, долженствующего стать резиденцией правителя и со временем постепенно превратившегося в полноценную столицу государства, вполне может считаться приемлемой точкой отсче-

та в истории византийского государства. День рождения Константинополя — 11 мая 330 г. — является, таким образом, днем рождения Византии, а последующие важные даты, свидетельствующие о становлении самобытного государства, — вехами взросления ребенка, все больше отрывающегося от материнского тела и приобретающего обособленность, самостоятельность и самобытность.

Принять именно эту, наиболее раннюю дату (тем более имеются все основания, что сами византийцы относили непосредственное начало своей государственности ко времени правления Константина I Великого (306—337 гг.), сочетавшего режим самодержавной монархии римского домината с христианской доктриной, а церковь — с государством. Епископ Евсевий Кесарийский, биограф Константина Великого, писал: «Все части Римской империи соединились в одно, все народы Востока слились с другой половиной государства, и целое украсилось единовластием, как бы единой главой, и всё начало жить под владычеством монархии... Все и всюду прославляли победителя и соглашались признавать Богом только Того, Кто доставил ему спасение. А славный во всяком роде благочестия василевс-победитель (ибо за победы, дарованные ему над всеми врагами и противниками, такое получил он собственное титулование) принял Восток и, как было в древности, соединил в себе власть над всей Римской империей. Первый проповедавший всем монархию Бога, он и сам царствовал над римлянами и держал в узде все живое...»

Именно к сфере императорского правления и, в целом, государственного устройства относится еще одна особенность Византии, позволяющая сравнивать ее с Советским Союзом и, возможно, рядом других государств XX в. Имеется в виду якобы тоталитарный характер византийского государства, который многим советским интеллигентам, в особенности историкам, напоминал советский тоталитаризм сталинского образца, или же существенно более мягкий, «вегетарианский» авторитаризм (если угодно, тоталитаризм-лайт) брежневской эпохи. Выдающийся византинист второй половины XX в., начи-

навший свою научную карьеру в СССР, а закончивший, после эмиграции, в США, Александр Каждан вспоминал в автобиографическом очерке «Трудный путь в Византию»: «...в глухие сталинские времена, когда я преподавал в Тульском педагогическом институте, мой друг, которому я излагал свои взгляды на византийскую централизованную экономику, воскликнул: “Да ведь это же все, как у нас!” Он не был историком, и ему можно простить поспешное заключение. Много позднее, когда хрущевская оттепель приоткрыла щель к свободомыслию и судьба перенесла меня в Москву, моя начальница настаивала на том, чтобы я выбросил из своей книжки характеристику императора Юстиниана I, данную ему современником, писателем Прокопием Кесарийским, ибо, говорила она, всем ясно, что я пишу не об Юстиниане, а о Сталине. Прокопий, разумеется, писал не о Сталине, но, как подданный тоталитарной империи, он пользовался известным стереотипом деспотического государства, который — в известных пределах — мог быть приложен к любому деспоту».

Восприятие Византии как некоего прообраза сталинского тоталитарного государства заставило в свое время отказаться от поприща византиниста известного специалиста по истории западноевропейского средневековья Арона Гуревича, поскольку, как он вспоминает в своей автобиографической «Истории историка», «начал все более отчетливо ощущать нарастающую неприязнь к предмету моих штудий. Византийские порядки слишком напоминали мне советскую сталинскую действительность». Для Александра Каждана же, наоборот, именно этот аспект византийской цивилизации был наиболее важным и привлекательным: «Византия оставила нам уникальный опыт европейского тоталитаризма. Для меня Византия не столько колыбель Православия или хранительница сокровищ античной Эллады, сколько тысячелетняя лаборатория тоталитарного опыта, без осмысления которого мы, видимо, не в состоянии представить себе наше собственное место в историческом процессе». Как отмечал еще один известный отечественный историк Византии Сергей Иванов, возможно, советские византинисты «были